

Глава 1

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Автобус качнуло на повороте, слегка утрамбовав ахнувших пассажиров. На меня сзади навалилась бабка и рявкнула, брызнув в затылок ядовитой слюной и обдав амбре квашеной капусты:

— Расселась тут! Шо рожу воротить? — Реплика адресовалась маме.

Прямо из онкодиспансера мы ехали к бабушке, где собиралась семья тети Иры, проводницы поезда, и от того, удастся ли наладить с ней контакт, очень многое зависело.

Я растопырился звездой возле маминого сиденья — не хватало, чтобы после пункции и пережитого стресса ее третировала эта хамоватая бабка, похожая на огромного мопса.

Почти месяц назад я вернулся в свое прошлое, а все не привыкну к новым-старым реалиям. Точнее как... К тому, что деревья выше и трава зеленее, уже на следующий день привык, а вот к этим автобусам... К тесным вонючим автобусам, битком набитым благоухающими телами, которые, как сейчас, норовят выдавить из меня завтрак — никогда.

А еще ж бабки-дачницы, до зубов вооруженные тяпками, лопатами, ведрами и под завязку заряженные дурным настроением, которое надо раздать, как вай-фай.

Наглая бабка не сдавалась, напирала пузом, силясь оттеснить меня от мамы.

Блуждающий мамин взгляд стал затравленным, она ухватила за поручень, готовая уступить место, но я положил ей руку на плечо и сжал пальцы. Повернулся к бабке и отчеканил:

— Уважаемая, во-первых, чтобы добиться желаемого, хамить необязательно. Во-вторых, мы только что из больницы, поэтому никто вам ничего уступить не будет.

Бабка тряхнула брылами и ринулась в атаку, как копыеносец на драконов:

— Ой-ой! Сама бесстыжая и щенка такого же вырастила! Ни стыда, ни совести!

Ничего, против вашей кавалерии — наша пехота!

— У вас? — спокойно поинтересовался я.

Давай, переключись на меня и оставь мать в покое. Старуха выпучила глаза так, что казалось, если ее чуть тюкнуть по затылку, они вывалятся.

— Да как ты со... со старшими разговариваешь?!

Опять кавалерия. Эх, нет нового и высокоточного оружия в арсенале!

— Вежливо, — улыбнулся я. — Возраст не дает вам права хамить младшим. Повторяю: моя мама едет из больницы, ей плохо, потому поищите себе другую мишень для агрессии.

— Да какая больница! Шо ты мне заливаешь!
Я отвернулся. Пусть орет. Народ слышал, что причина более чем уважительная, пусть кто-то другой теперь кормит вампира. Поле заминировано. Подразделение укрылось в доте.

Мне предстоит пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить тетю Иру взять меня торговать в Москву, потому на посторонних силы лучше не расходовать.

Бабка продолжила разоряться, брызгая слюной и воняя кислятиной. Бесстыжие мы! Никакого уважения к старости! Ой-ой, сейчас грыжа защежится, коленный сустав треснет, позвоночник осыплется в трусы!

С вымогателями не договариваются, как и с шантажистами. Начнет ли нормальный человек просьбу с наезда? Нет.

Черт! А зацепило ведь!

Такие старухи вне времени. Даже если человечество себя уничтожит, они будут существовать и являться следующим цивилизациям в виде фантомов. Вспомнилось, как в метро такая же бабка напала на девочек, требуя уступить место, хотя вокруг было полно свободных. Девочки ушли, и она воцарилась, а потом отправилась в другой вагон искать новую жертву. Тут цель не задницу пристроить, тут главное — до-стать.

— Женщина, — не выдержал интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти, — ну чего вы пристали к мальчику? Может, его матери и правда плохо. И не стыдно вам?

— Мне?! Это мне должно быть стыдно?! — взбеленилась она. — Да я ударник труда! Тридцать пять лет в колхозе!

Понеслось дерьмо по трубам! Мама накрыла ладонью мою руку, а вредная старушенция переключилась на интеллигента. Вскоре защищать нас принялась женщина средних лет. Рассказала, как ее племянницу вот так с места согнали, а она после операции. Ее в толкучке прижали, и шов на животе разошелся.

Пожилой кряжистый мужчина хлопнул меня по спине — я чуть на маму не завалился, столько в нем было силищи.

— Молодец! Мужик! Защитник!

Сидящая позади мамы женщина с годовалым ребенком поднялась, тронула за руку сухонькую бабульку в газовом платке.

— Присаживайтесь, пожалуйста. — И принялась протискиваться к выходу, прижимая к себе ребенка.

Я не удержался, обернулся, чтобы увидеть бульдожью морду, у которой из-под носа увели место: глаза выпучены, щеки колышутся, ноздри раздуваются. Неудача спровоцировала новый выплеск агрессии, и автобус расшумелся, раскудахтался, в конфликт вовлекались все новые и новые лица.

Так мы тряслись еще минут двадцать. Наконец вывалились из автобуса вместе с тем кряжистым мужчиной, и я жадно вдохнул чистый воздух, потянулся, потом нагнулся. Мама стояла рядом и ждала.

Мужчина топтался, поглядывая на нас, наконец набрался смелости и спросил почему-то у меня:

— Извините мою бестактность... Может, вам нужна помощь? Проводить вас?

Я посмотрел на маму.

— Спасибо, справимся, нам тут рядом. — Она кивнула в сторону проулка, откуда выбежало знакомое стадо под предводительством козла СиСи.

— А ну стоять, черти лохматые! — донесся голос деда-пастуха. — А ну назад!

— Все будет хорошо, — в сотысячный раз повторил я, проводил взглядом удаляющегося мужчину, пожелавшего нам помочь, и попытался переключиться на предстоящую задачу.

Вот как убедить тетушку взять меня в Москву? Представим, я взрослый, и тут подходит ко мне четырнадцатилетний шкет и говорит: «Дядь, у меня бизнес-план есть! Давай я буду возить в Москву овощи и фрукты? Как тебе идея?»

Как-как... смешно!

Ладно, сориентируюсь по ходу дела. Я рванул наперерез козлу, загнал его обратно в проулок. Дед Василий мне помахал издали и крикнул:

— Я понял, значит, что вы за пионеры — внуки вы Эльзины.

В этот момент из-за поворота вышла мама, пастух почесал в затылке, указал на нее пальцем:

— О, а вот и Оля! Ох, Олька, какая же пакостница была! — прищурившись, сказал дед. — По грязи — на Борьке, кабанчике нашем, каталась. Чуть не заездила его. Или на черешню нашу

с Ирккой залезли, воровать, значитса, я заметил, выбежал их гнать, а Олька сорвалась, зацепилась одежкой за сук и висит, руками-ногами дергает. А Ирка в щель забора смотрит.

Его слова что-то в маминой душе разбередили, и она наконец ожила, улыбнулась, махнула рукой:

— Ой, дядь Вась, будто вы в десять лет черешню не воровали.

— Не было, дочка, черешни у нас в Новгороде...

Дед увязался за мамой, будто молодость свою увидел, и принялся рассказывать про то, что он НЭП помнит и все точно так же было: честный люд страдал, проходимцы и мошенники наживались. Какого ж года этот дед? Девятьсот десятого? Он и царя помнить должен.

Я подобрал хворостину и, подгоняя коз, поймал странное ощущение, словно перенесся куда-то к динозаврам. В моей реальности это поколение уже вымерло, унеся с собой свои боль и надежду. Накатила волна времени, стерла их, а мы и не заметили. Теперь будто включили перемотку, и вот он, доисторический дед, радостно делится воспоминаниями, которые бесценны, потому что, оказывается, так хрупки.

А мама не понимала этого и не слушала вовсе, для нее его слова — назойливая старческая трескотня, не более. Она, наверное, думала о результатах пункции. Пока дождетса, совсем изведетса. А ждать от суток до трех дней.

Дед проводил нас до самого бабушкиного дома. Под абрикосом припарковалась оранжевая «ше-

стерка». Окна зала были распахнуты, и оттуда лилось: «Это наш счастливый случай, больше ты меня не мучай»... Ноздри щекотал аромат жарящегося мяса, доносились голоса. Мама протянула руку к калитке, не решаясь ее распахнуть, и тут из кухни вышла молодая женщина, крашенная в темно-рыжий, с миской салата в руках, сделала два широких шага, увидела маму и замерла.

Калитку открыл я — она чуть не отвалилась, чиркнула по земле. Тетя Ира крикнула:

— Ма-ам! Андрей!

Из дома нехотя вылез смутно знакомый парнишка в джинсах и модной футболке, стриженный под «площадку»: виски и затылок лысые, на макушке волосы торчком. Круглое лицо, оттопыренные уши, глубоко посаженные глаза и рот, как у лягушки — большой и безгубый.

Тетка протянула ему миску.

— Неси в дом! — А сама шагнула навстречу маме, похожая и совершенно другая, пригладила волосы, торчащие в разные стороны.

— Олька, — шепнула она, сделала еще шаг и сгребла маму в объятия. — Как же я рада!

Я тихонько наблюдал со стороны и вспоминал их детские фотографии, где они были похожи, как близнецы. Сейчас осталось едва уловимое сходство: темно-зеленые глаза, носогубный треугольник, будто бы великоватый для такого лица. Тетя Ира на полголовы выше, круглее и, хоть она старшая, но выглядит моложе лет на пять.

— Идем в дом, все готово, осталось дожидаться только шашлыки, их Толик жарит.

Кто такой Толик? Очередной муж тети Иры? Скоро узнаем. Воссоединившиеся сестры шагнули на порог, спешащие навстречу Наташа и Борис расступились. Ко мне подбежала сестра, шепнула:

— Ну что? Как съездили?

— Результат примерно через три дня, — ответил я. — Может, раньше, но это вряд ли. Мама изведется за это время.

— А сам что думаешь?

— Нормально все. Уверен.

В той реальности рака у мамы не было, были доброкачественные узлы в щитовидке, но червячок сомнения все равно подтачивал, ведь все теперь по-другому. Тут одна семья распалась, вторая соединилась, гопник Каюк вроде взялся за ум, но передал эстафету смерти Вичке Плечко.

Наташка покосилась на выход и прошептала:

— Андрюша этот такой debil! Так и хочется ему втащить!

— Ты не рви на груди своей рубашку, — пела какая-то певичка, — изменил, так душою не криви...

— Уходи и люби свою Наташку, — фальшивя, подпел Андрей, спустился по ступеням — что Зевс к смертным снизошел — протянул мне руку. — Андрей.

Я пожал ее.

— Павел... Романович.

Наташка прыснула в кулак, Андрей снисходительно улыбнулся. Самый старший, великая шишка, в декабре ему семнадцать. Сам в его возрасте смотрел на восьмиклассников, как на головастики в луже.

Борька так и не спустился с порога, стоял надутый.

— Идем жрать, родственнички! — Андрей прошествовал в дом, взлохматив отросшие волосы Борьки. — И ты иди, дутыш.

— Я не дутыш! — Борька отскочил в сторону. — Да ты задрал!

— Я тебя еще не драл, — донеслось из дома.

— Да ты, Андрюха, доминатор, — сказал я, но он, похоже, не услышал.

Из-за дома вышел кругленький розовощекий мужичок лет пятидесяти с седыми усиками-щеткой и волосами, зализанными на плешь. В каждой руке у него было по три шампура.

— Здравсьте, дядь Толя! — поприветствовал я возможного стратегического партнера. — Помощь нужна?

— Да я уже все, спасибо. Павлик, да? — Я кивнул. — Занеси таз с маринадом и все остальное в кухню и закрой, если не трудно. Чтобы Боцман не перевернул.

Я рванул за дом. Мангал установили возле подвала, и пес уже лакал маринад из миски, вспугнув мух, гудящих, как бомбардировщики.

— Боцман, фу! — гаркнул я, и пес прижал уши, отошел от таза с видом, что он в общем-то не при делах. — Молодец. Умный парень!

Жаль, не успел с Толиком шашлыки пожарить и расположить его к себе. Убрав вокруг мангала и закрыв миски в летней кухне, я отправился в зал, где все уже расселись за столом. Осталось место возле Андрея на диване. Борис с ним так

сильно не хотел соседствовать, что предпочел неудобную табуретку.

Никогда не понимал, зачем детей усаживать за один стол со взрослыми, это здорово ограничивает в общении и тех, и других.

— Толик, — объявила бабушка, — вот в этом графине вино, вот тут чача. Кому что? Поухаживай за дамами.

Мама протянула бокал, тетя Ира и бабушка — рюмки.

— За мир во всем мире и погоду в доме! — сказала бабушка и замахнула рюмку.

Потом выпили за родителей, за детей, за тех, кого с нами нет — не чокаясь. Раскраснелись. Мама заулыбалась. Пошли анекдоты — сперва безобидные, потом все смелее и смелее.

— Дядь Толя, шашлык — во! — Я показал «класс».

Единственный взрослый мужчина с радостью переключился на меня. Поговорили о маринаде, о том, как выбирать мясо, о рыбалке. Пока женщины судачили, и тетя Ира чуть что хохотала, запрокинув голову, Толик основательно присел мне на уши, рассказал про свои рыболовные снасти, я — про свои и о том, как мы ставриду продавали. Тут и Наташка оживилась, давай мою находчивость нахваливать. Я осторожно направил беседу в нужное мне русло:

— Дядь Толь, а вы с тетей Ирой вместе работаете проводниками? Так бы хотелось с вами в Москву поехать! Андрей, ты был в Москве?

Он фыркнул.

— Был, конечно. Она крутая! Там прямо возле дороги — огромный экран, а на нем реклама всякая, как в телевизоре, прикинь? Вот фильм «Беглец» смотрел? Такая же! Как в будущем. Чуть не заблудился там, столько народу!

— В Москве абрикосы не растут, — закинул удочку я. — Дурных денег стоят, наверное. Вы их туда возите?

— Пф-ф-ф, — выдохнул Андрей — будто резиновый матрас воздух стравил.

Толик посмотрел на меня, как на умалишенного.

— У нас там стоянка — семь часов. Что ты за это время успеешь? Их и тут неплохо берут. Да и таскаться неудобно, ты бы видел, что в том поезде! На третьих полках спят, в проходах баулы — ходишь, спотыкаешься.

И что на это скажешь? «Я бы рискнул»? Четырнадцатилетний сопляк, который никогда не был в крупном городе — рискнул бы... Меня не то что деньги делать не возьмут, меня и просто не возьмут, потому что ребенок — это ответственность и балласт. Какие аргументы им ни приводи!

У проводников и так заработок неплохой: берут безбилетных, укладывают на третьи полки, делятся с начальником поезда, тот отстегивает кому надо, чтобы беспредельщики поезд не трогали, челноков не грабили. Всем хватает, и напрягаться незачем. Не каждому свойственно хотеть большего.

— Ирка, покурим? — скомандовала бабушка, поднимаясь.

Ее старшая дочь взяла со стола пачку LM и за-семенила следом, мама осталась за столом, и Толик переключился на нее, похвастался, что они завтра едут видик покупать и новый телевизор! Давно мечтали, полгода копили! А еще и видео-прокат рядом с домом открылся.

Видик — это статус. Если есть видик, значит, ты крутой, у тебя много друзей, и все бегает к тебе смотреть фильмы, когда дома нет родителей.

— А какой видик? — оживилась Наташка. — У подруги есть «Тошиба»...

Я глянул на Андрея, самодовольно развалившегося на диване, словно это он на видик заработал, и поспешил к выходу. Мне нужная была тетя Ира, авось ее удастся заинтересовать. Вряд ли, конечно, слишком это предложение нелепо в устах ребенка. Ну а вдруг?

Бабушка курила трубку. Набирала в рот дым и пускала кольца. Тетушка стояла, как на панели, опершись одной ногой на стену и выпуская сизый дым. Они смотрели друг на друга и меня не замечали.

— Слышала, что в городе орудует маньяк? — спросила тетя Ира. — Надо Оле сказать, чтобы Наташку предупредила.

Бабушка пожала плечами.

— Не слышала.

— В «Вестнике» писали. Две девушки пропали у нас и пять — по области.

Бабушка отнеслась к новости скептически.

— Врут небось. Вот ты лично знаешь тех, у кого кто-то пропал?

Тетя Ира качнула головой, бабушка продолжила:

— Вот! Не знаешь, а все туда же — сплетни разносить. Много вранья, очень много. Ни газетам, ни новостям верить нельзя.

Я был с ней согласен. Время такое: народ, как оголодавшая ставрида, хватается голые крючки сенсаций, и любой онанист, облюбовавший парк, — маньяк, любая баба, нарядившаяся ведьмой на ролевуху, — провидица, каждый непонятный блик в небе — НЛО.

Я подождал, когда тема маньяка себя исчерпает, мысленно поаплодировал бабушкиной мудрости, подошел к ним и не стал юлить, сказал прямо:

— Теть Ир, вы денег хотите? Раз в десять больше того, что вы зарабатываете сейчас?

Тетушка поперхнулась дымом.

— Павлик, ты о чем?

Я начал издали: сперва о том, какая Москва большая и богатая, потом — что рассыпалась логистика в большой стране, после — что у нас есть овощи и фрукты, а в северных широтах их нет и, сколько ни привези, будет мало. Женщины внимательно слушали, когда на их лицах появилась заинтересованность, я сказал:

— Возьмите меня в Москву. С абрикосами. Буду их продавать. Мне надеть нечего, вещи изнасились, кеды, вон, расползаются. Хоть заработаю немного, сам оденусь, Наташке вещей куплю.

Глава 2

И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Заинтересованность стерлась с лиц бабушки и тетушки, будто по ним ластиком провели. Я говорил и чувствовал, как каждое слово падает горстью земли на гробик моих надежд. Тетка онемела от неожиданности, а бабушка строго изрекла:

— Павлик, согласна, ты парень умный и развитый. Но как ты себе это представляешь?

— Ты даже метро не видел ни разу! — поддакнула тетя Ира.

— Да просто! Отнес два ящика абрикосов на привокзальную площадь, продал за несколько часов и поехал назад. Всё! Или на рынок ближайший мотнись, сдам оптом.

Тетя Ира закатила глаза.

— Просто у него! Рехнулся?! Какой рынок?! Там такой вокзал, что Андрюша пошел в туалет и заблудился! А он старше тебя! А метро чего стоит! Нет, Павлик, не ввязывай меня в эту авантюру!

— Мне хватит трех часов в Москве, — настаивал я.

— Тебя прогонят с рынка, не дадут торговать! — Теткины глаза округлились от ужаса. — И абрикосы заберут! Там бандиты, куплено все!

— Все продают всё с пола, — не сдавался я. — Ельцин разрешил. Вон, бабушка со мной рядом постоит, посмотрит, чтобы я не потерялся, а деньги поделим.

— Ну уж нет, а скотину я на кого оставляю? — Бабушка выпустила очередное кольцо дыма; превращаясь в продолговатую прозрачную рыбину, оно поплыло по воздуху.

— Что вы теряете? — спросил я у тетушки. — Это деньги. Большие деньги! Хотите, я заплачу за проезд!

— Ты не заплачь главное, — съязвил Андрюша, подслушивающий нас у двери.

Бабушка обернулась.

— Ты чего это уши греешь? А ну живо в дом!

Тетушка наклонилась, загасила окурок об асфальт и бросила в консервную банку, Бецман сунул туда нос и чихнул.

— Павлик, — проговорила тетушка тоном врача, убеждающего слабоумного. — Это глупая затея только потому, что мой поезд идет транзитом через Украину. Там такой шмон на границе, ты не представляешь! — Ее передернуло. — Погранцы с той стороны только и ищут, к чему придраться. А у тебя еще паспорта нет, ты несовершеннолетний, и нужна доверенность от родителей. Снимут с поезда вместе с товаром — и что?

Рука сама к лицу потянулась. Точно! Был СССР, все поезда ходили самым коротким марш-